

УДК 122/129

ГИБРИС В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРООТНОШЕНИЯ

В. В. Сурков

аспирант

Сумской государственный педагогический университет
им. А. С. Макаренко (Украина)

В статье высказывается мысль о том, что понятие “гибрис”, заимствованное современными авторами из древнегреческой культуры, характеризует особый тип мироотношения человека. Гибрис сопровождает человека на протяжении практически всей его истории, при этом в разные культурные эпохи он получает специфические формы проявления. Те из них, которые наблюдаются на современном этапе развития человечества, автор связывает с реализацией мировоззренческих установок модернизма, а также сменяющего его постмодернизма.

Ключевые слова: гибрис, модернизм, постмодернизм, позитивизм, релятивизм, отчуждение.

Введение

В античной культуре существовало понятие “хюбрис” (в русскоязычных источниках чаще встречается вариант “гибрис”), служившее для обозначения “крайней наглости и самодовольства, желания сравняться и даже превзойти богов, не имея на это никаких оснований” [1]. В современной философской и публицистической литературе это слово употребляется в схожем значении, но уже в других контекстах. Использование данного термина обусловлено, видимо, его особым смысловым потенциалом. На наш взгляд, наиболее важным здесь является вера древних греков в то, что гибрис неминуемо влечет за собой немезис – справедливую расплату. И, говоря о гибрисе, современные авторы, видимо, имеют в виду такие деструктивные проявления человеческого мировоззрения (или, точнее, мироотношения), которые не только не вписываются в наши этические или эстетические представления, но влекут за собой неминуемую расплату в виде катастроф и катаклизмов.

Следует отметить, что осознание наличия у человека такого сущностного качества, как гибрис, происходит и развивается уже на протяжении тысячелетий. Во всяком случае, в эпоху античности этот ментальный факт уже достаточно четко представлен в духовной культуре древних греков и римлян. Однако в XX–XXI вв. гибрис осознается уже в новых контекстах, вследствие чего эта категория получает несколько иное культурное преломление.

Для нас, живущих сейчас и планирующих свою жизнь в будущем, важно понять, является ли сегодняшний человек более гибристичным, чем, скажем, человек Нового времени, Возрождения, Средневековья или той же Античности? Если да, то в чем причина этого? Ограничение нашего гибриса, возможно, позволит умерить и тот “немезис”, который угрожает нам и нашим потомкам.

На подобные рассуждения наталкивает, в частности, тот факт, что в последние десятилетия слово “гибрис” (hubris) достаточно часто употребляется в са-

мых различных контекстах (чаще – в англоязычных источниках). Активисты экологического движения видят гибрис в отношении человека к природе, политиков обвиняют в нем оппоненты, медики говорят о “гибрис-синдроме” как о профессиональном заболевании людей, длительное время находящихся у власти. Слово “гибрис” все чаще можно обнаружить в журналистских статьях и интернет-блогах.

В чем же заключается причина “второго дыхания” забытого было слова? Неужели человек конца XX – начала XXI вв. стал чаще демонстрировать гибрис, о котором уже было “забыли” после гибели античной цивилизации? Или же это современное общество стало “гибрисо-фобным” и, стараясь пресечь это явление на корню, выискивает его признаки повсюду (подобно тому, как в раннем СССР сторонники новой жизни выискивали и порицали проявления мещанства, порой впадая в параноидальную “мещанобоязнь”)? Говоря проще: гибристична или антигибристична современность?

Основная часть

С нашей точки зрения, гибрис как человеческое свойство не является чем-то абсолютным, он всегда определяется по отношению к исторически конкретным общественным нормам. В одной культуре те или иные проявления гордости считаются вполне нормальными (или даже обязательными), тогда как в другом – чрезмерными и расцениваются как гибрис. Например, гордость, присущая кавказцам, может показаться гибристичной украинцу или русскому. А представление китайского или японского императора о себе как о божестве на земле еще в начале XX в. не казалось гибристичным его подданным, тогда как для европейца, живущего в то же время, такое самомнение главы государства считалось немыслимым. Не случайно высказывание германского императора Вильгельма II “Генеральный штаб – это я!” вошло в историю как исключительное, хотя монарх все еще имел высокий статус в обществе.

Общественный тип, господствующий в большинстве государств в начале XXI в., многие исследователи называют “массовым”. В отличие от некоторых авторов, употребляющих это понятие как синоним словосочетания “постиндустриальное общество”, мы понимаем его скорее как характеристику особенностей коммуникации и общественного сознания в обществе, т.е. это – понятие культурно-антропологического характера (тогда как “постиндустриальное общество” описывает переход от индустриального к какому-либо другому вектору в экономике). Таким образом, массовым, вслед за П. Гуревичем, мы называем общество, в котором производство и потребление приобретает стандартизированный характер, политика определяется стихийными реакциями населения, а культура утрачивает уникальность и тиражируется для всех [2].

Во второй половине XX в. в недрах индустриального общества начала формироваться постиндустриальная социально-экономическая формация. Массовое же общество как социо-культурный феномен начало складываться еще в ранне-индустриальных государствах, продолжая формироваться по сей день. Таким образом, “омассовление” – процесс, характерный как для индустриального, так и для постиндустриального обществ. Исследователи используют это понятие для обозначения процесса формирования массового общества и связывают его начало с реализацией уже вкратце описанной нами модернистской парадигмы, считая постмодернизм результатом культурной деятельности масс. Одними из первых о появлении нового типа человека – человека массы, а также об опасности, которую

он представляет для человечества писали такие философы, как Ф. Ницше, а также “Русский Ницше” К. Леонтьев, Х. Ортега-и-Гассет и др. Что касается массового общества в современном понимании этого понятия (массовое производство + массовое потребление + массовая коммуникация и информация), то оно стало формироваться уже после Второй мировой войны. Ему посвящены работы Г. Маркузе, Э. Фромма, С. Московичи, Э. Тоффлера, Д. Белла и др. Но отдельные его оставляющие (например, манипуляция сознанием масс) уже существовали в 1930–1940-е гг., о чем писали Х. Арендт, Э. Фромм и др.

Позволим себе высказать предположение о том, что в массовом обществе гибрис индивида уступает гибрису массы настолько, насколько личность растворяется в массе, становясь ее атомом. Именно масса, а не индивид отныне выступает в качестве главного субъекта общественно значимых действий. Гибрис массы маскируется демократическими формулировками, тогда как устремления индивида, не вписывающиеся в схему поведения массы, объявляются гибрисом и осуждаются.

В конечном счете, критерии гибриса как нарушения границ дозволенного человеку всегда устанавливаются обществом. Например, на ранних этапах становления античного общества порицание гибриса помогало людям выживать перед лицом опасностей, которые представляли для них силы природы (получившие мифическое воплощение в богах и других могущественных существах). Но в период становления полисной культуры гибрис обретает содержание, связанное уже с нарушением общественных норм (как “фарсос” – нечестно нажитое богатство, “мюфос” – сутяжничество и “крисис” – тяжба). Соответственно, и боги становятся воплощением уже не только стихий, но и пороков и добродетелей.

При этом рамки позволительных проявлений гордости устанавливает доминирующий в обществе институт власти, относя все, что не вписывается в них, к пороку (и/или гибрису). Например, христианская церковь объявляет страшнейшим грехом гордыню, таким образом понуждая паству к повиновению. В условиях средневековой монархии формируется специфическое понимание гордости, разная степень которой дозволена разным слоям общества: монарху – ограниченная только со стороны церкви, дворянам – достаточно высокая, но ограниченная со стороны и церкви, и монарха, и так далее, вплоть до полной недозволенности ее проявлений крепостным крестьянам, добродетелью которых считается кротость. Возрождение и Новое время порождают новый тип гордости, связанный с пафосом человека как носителя разума и творческого начала. Она осуждается носителями ставшей традиционной средневековой морали как нигилистическая, но воспевается представителями новой формации как прогрессивная. В этот период буржуазной и научно-технической революций зарождаются предпосылки “восстания масс” (термин, использованный Х. Ортега-и-Гассетом в одноименной работе). Далее рамки дозволенного будут устанавливать именно массы, господство которых на сегодняшний день осуществляется под демократическими лозунгами. Теперь уже они диктуют определенный стиль поведения индивида – в т.ч. наделенного властью, которая понимается как делегированная индивиду обществом и, следовательно, принадлежащая ему временно и не в полной мере. Таким образом, присвоение власти себе как личной (что является нормальным для феодальных обществ) считается теперь непозволительным. Отсюда концепция гибрис-синдрома политиков или управленческого гибриса топ-менеджеров.

С другой стороны, в настоящее время достаточно активно заявляет о себе оппозиция массовому обществу, объединяющая течения самой различной на-

правленности – как левые, так и правые политические объединения, экологические и феминистские организации, представители религиозных институтов и так далее. Эта оппозиция охотно использует понятие “гибрис” на свой лад, критикуя тенденции развития современной цивилизации, которые воспринимаются как такие, которые влекут за собой неминуемую расплату.

Итак, в каких же ситуациях гибрис обнаруживается сегодня как специфический тип мироотношения? Прежде чем ответить на этот вопрос, представим несколько тезисов, которые, по нашему мнению, являются важными для правильного понимания этого феномена.

1. Онтологический гибрис – явление мироотношенческого порядка, а не профессиональное заболевание (как, например, считает Д. Оуэн и его последователи).

2. Хотя существует закрепленное в словарях исторически сложившееся и общественно признанное семантическое ядро данного понятия, на практике оно применяется к явлениям реальности субъективно, а потому не может быть предметом исследования в рамках наук. Изучение гибриса является прерогативой философской антропологии.

3. В разные исторические эпохи и/или в разных культурах гибристичными считаются определенные проявления человеческого мироотношения, которые в другой ситуации могут не восприниматься как таковые.

4. Эти проявления связаны с “точками напряжения”, существующими в обществе, т.к. именно в этих точках нарушение меры человеческого, каковым является гибрис, носит угрожающий фатальными последствиями характер.

Первые три утверждения вытекают из уже сказанного нами выше, а к четвертому мы дадим отдельный комментарий. Если проанализировать тематику публикаций, где говорится о гибрисе, мы обнаруживаем в них такие “точки напряжения”, как экологические проблемы, вопрос о пределах власти и связанной с ней ответственности, задача определения сущности человека и перспектива ее утраты в связи с развитием новых технологий и другие. Это, как правило, глобальные проблемы человечества, от решения которых зависит его дальнейшая судьба. Таким образом, можно предположить, что гибрис коренится в тех парадигмах общественного развития, реализация которых и привела к появлению этих проблем. Попробуем проследить эту зависимость.

Характеризуя особенности духовной культуры индустриального и постиндустриального обществ, сошлемся на В. Ильина [3], который утверждает, что индустриальная эпоха проникнута духом модернизма, тогда как в постиндустриальном обществе, которое автор все-таки называет “массовым” (в чем мы с ним не согласны), торжествует постмодернизм.

Важными характеристиками модернизма являются, по мнению исследователя, следующие. Во-первых, это представление об однолинейности развития мира. Носителям модернистского менталитета кажется, что все культуры движутся в одном направлении и к одной генеральной цели. Такой взгляд дает основания для выделения в планетарном масштабе культур передовых, т.е. более преуспевших в этом движении, и культур отсталых. Отсталые культуры должны равняться на передовые в своем развитии, что порождает культурную универсализацию. Одним из ее проявлений является мода в качестве регулятора жизнедеятельности: все “новое” воспринимается в качестве прогрессивного и предпочтительного, а все “старое” – регрессивного и подлежащего забвению. Во-вторых, модернизм проникнут верой в познаваемость мира, он пропагандирует наукоцентризм, имеющий либо эмпирико-позитивистскую, либо рационалистическую

окрашенность. Модернист, по В. Ильину, считает, что человек, познавая мир, способен решить любые проблемы и найти способы сделать свою жизнь лучше. Модернизм устремлен в будущее и оптимистичен. Этим и объясняется потребительский аскетизм модернизма, призывающий материально ограничивать себя сегодня ради завтрашнего изобилия.

Что касается постмодернизма, то он является результатом разочарования человека в модернистской доктрине, а его проявления во многом противоположны проявлениям модернизма. Он, во-первых, отличается плюрализмом в восприятии различных культур, дроблением культуры на многочисленные субкультуры. При этом плюрализм часто принимает крайние формы, превращаясь в культурный релятивизм. Мода теряет свою жесткость, приметы различных эпох сосуществуют. Во-вторых, скепсис в отношении общественного прогресса и возможностей человека в познании мира порождают гедонизм, согласно которому жизнью следует наслаждаться сегодня, т.к. завтра такой возможности может не представиться. Отсюда и культ потребления. Причем это потребление охватывает не только реальные предметы и услуги, а и некие символы (например, торговые марки как символы высокого социального статуса).

Каковы же проявления гибриса, характерные для модернизма и постмодернизма, т.е. для современности? В рамках первой парадигмы этот “порок” проявляется в стремлении к достижению поставленных целей любой ценой путем наращивания темпов, перевыполнения планов, пренебрежения рисками и т.д. Модернист – это деятель, которому некогда созерцать или рефлексировать, он не сожалеет о принесенных им жертвах. Постмодернист, наоборот, утрачивает меру в своем отказе от объективного содержания действительности и смысла деятельности, скатываясь в релятивизм, который проявляется в равнодушии к другим людям и судьбам мира в целом.

Исходя из этого, мы считаем, что для модернистского сознания характерны такие типы гибриса:

- научный – вера в неограниченные возможности науки, ее превосходство над прочими сферами духовной жизни (“спор физиков и лириков” и пр.);
- управленческий (властный, политический) – вера в огромную важность контроля за всеми сферами не только общественной жизни, но и частной жизни граждан, включая интимные;
- генерационный (поколенческий) – вера в прогрессивность, а потому и превосходство новых поколений над предыдущими, презрение ко всему немодному;
- национал-шовинистический – вера в развитые и передовые нации, в необходимость наднациональной унификации первых по образцу последних;
- экологический (видовой) – вера в превосходства человека над живой и неживой природой, его надприродный статус (гео- и генная инженерия, трансгуманизм, NBICS-технологии).

Постмодернистскому же сознанию присущи свои формы самопроизводства и воспроизводства гибриса:

- потребительский – вера в свою высокую значимость на основании возможности потреблять больше, чем другие;
- гибрис индивидуальной успешности – возможность дорого и/или массово продавать продукты своего труда, независимо от их реальной общественной ценности;

- гібріс торгової марки – гордість за право представляти/потребляти продукти тех или иных брендів;
- гібріс ком'юніти – гордість за свою приналежність до закритого ком'юніти;
- гібріс ескейпізма – віра в свою здатність бути вище маси или створювати щось вище її розуміння.

Ми уже говорили про те, що гібріс можуть проявляти не тільки особи, але і маси (на рівні груп или осіб як “атомів” маси). Ми вважаємо, що цьому сприяють наступні фактори.

Воперших, масова культура сприяє втраті особою адекватності до його відношення до світу и до самого себе (“ідиотії”). Багато дослідники відзначають, що вона нав'язує образи и представлення, які мають іскусственну, віртуальну природу. Таке вплив, відчуждає людину від реальності и поглиблює його в світ віртуальних образів, характеризується як “наркотизуючий”. Втрата особою адекватності є ситуацією, благоприємною гібрісу.

Воперших, масова культура, будучи культурою споживання, породжує гібрістичні (а з точки зору права и моралі – злочинні) мотиви діяльності, нав'язує особам певні ідеали вітньої самореалізації (гроші, речі, влада т.п.), але не дає їм при цьому ефективних и одночасно законних засобів для їх досягнення. До того ж масова культура не сприяє розвитку високої духовності, яка могла б допомогти особі прийняти систему цінностей, яка обмежила б нав'язувані їй вітні бажання и прагнення. Як ми уже відзначали, уже в давньогрецькій культурі гібріс в ряду своїх проявів вважався злочином, причому не тільки проти богів, але и проти суспільства.

Наконець, втретєх, маси мають достатньо велику владу, якою вони легко “опьяняються”. Примітливо до осіб для описання цього стану часто використовується поняття “гібріс-синдром” (ГС), але ми вважаємо, що їм можна описувати и стан мас (здатність останніх “опьянятися” владою відзначав ще А. Адлер). По нашому мненню, маси навіть більше піддані цій аномалії, оскільки особи в якості “атомів” втрачають свою здатність до рефлексії и самообмеженню, а їх розумне “Я” легко поступає колективному несвідомому. При відсутності обмежень вітнє поведінка маси часто носить ірраціональний характер, хоча при цьому кожен “атом” розділяє впевненість в правильності будь-яких дій суспільства, до якого він належить.

Висновок

Висновок вище сказаному, виділимо риси сучасності, здатні провокувати “онтологічне самовиробництво” гібріса. До таких можна віднести:

- збільшення соціального нерівності, прихованого інституціалізованими тезисами про рівні права и можливості;
- витіснення високої культури масовою;
- заміна вітнєх потреб людини іскусственими псевдопотребностями;
- знищення в людині творчого початку и перетворення її в виконавця и споживача;

– нарастающее отчуждение человека от своей истинной сущности и от других людей.

В какой-то мере в каждом из рассмотренных типов мировоззрения присутствуют и компоненты, ограничивающие гибрис. Так, аскетизм модернизма в какой-то степени является “противоядием” против постмодернистского гедонизма. С другой стороны, постмодернизм проявляет скепсис по отношению к возможности представлять единственно правильную точку зрения как в науке, так и в искусстве, требует от человека плюрализма в их восприятии. И все же, как мы уже отмечали выше, эти противоречия существуют больше в теории, чем на практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Справочник по Древней Греции, Риму и мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/ancient/Gibris-368.html>
2. **Гуревич, П. С.** Философия культуры. Массовая культура как феномен [Электронный ресурс] / П. С. Гуревич. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/gurevich_culturephilo/ch38_all.html
3. **Ильин, В. И.** Поведение потребителей [Электронный ресурс] / В. И. Ильин. – Режим доступа: <http://www.marketing.spb.ru/read/m7/2.htm>

Поступила в редакцию 04.03.2015 г.

Контакты: vokrus@ukr.net (Сурков Владимир Владимирович)

Surkov V.V. HUBRIS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY WORLDVIEW.

The article suggests that the concept of hubris borrowed by modern writers from the ancient Greek culture is characterized as a particular type of human attitude towards the world observed in different cultural epochs. In this case, each of them gives hubris its specific manifestations. Those that occur at the present stage of human development are related to modernism and post-modernism worldview implementation.

Key words: hubris, modernism, postmodernism, positivism, relativism, alienation.